

Иосиф Александрович
БРОДСКИЙ
1940 – 1996

Иосиф
БРОДСКИЙ

О тирании

Эссе

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 88

Фонд по управлению наследственным имуществом
Иосифа Бродского выражает благодарность
Алексею Гринбауму
за содействие в подготовке и осуществлении
настоящего издания.

© Фонд по управлению наследственным имуществом
Иосифа Бродского, 2023

Воспроизведение без разрешения Фонда запрещено.
По вопросам, связанным с публикацией произведений
Иосифа Бродского, обращаться по адресу:
estate@josephbrodsky.org

Перевод с английского

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-23576-2

© Г. М. Дашевский (наследник),
перевод, 2023
© Е. Н. Касаткина, перевод, 2023
© Л. Л. Лосев (наследник),
перевод, 2023
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

О ТИРАНИИ

Болезнь и смерть — вот, пожалуй, и все, что есть общего у тирана с его подданными. Уже в этом смысле народу выгодно, чтобы правил старик. Не то чтобы мысль о неизбежности смерти обязательно просвещала и смягчала нрав, но время, затраченное тираном на размышления о собственном, скажем, обмене веществ, есть время, отнятое от дел государственных. И внутренние, и международные периоды затишья прямо пропорциональны числу болезней, грызущих вашего Генерального Секретаря или Пожизненного Президента. Даже если у него хватает восприимчивости научиться искусству дополнительной черствости, которому учат все болезни, он не торопится применить это благоприобретенное искусство к дворцовым интригам или внешней политике, хотя бы потому, что инстинктивно стремится вернуться в прежнее здоровое состояние, а то и верит, что полностью поправится.

У тирана время, отведенное на размышления о душе, используется для расчетов, как бы сохранить статус-кво. Это происходит потому, что человек в его положении не видит различий между настоящим, историей и вечностью — госпропаган-

да сплавила их воедино, потому что так удобнее и самому тирану, и населению. Он держится за власть, как другие люди преклонного возраста за свои пенсии и сбережения. То, что порой кажется чисткой в верхах, воспринимается народом как попытка поддержать устойчивость, на которую народ-то и рассчитывал в первую очередь, когда позволял тирании укрепиться.

Устойчивость пирамиды редко зависит от ее вершины, но все-таки именно вершина привлекает наше внимание. Рано или поздно взгляд наблюдателя утомляется ее нестерпимым геометрическим совершенством, взгляд требует перемен. Однако когда перемены происходят, они почти всегда к худшему. Старик, борющийся за то, чтобы избежать позора и неудобств, которые особенно неприятны в его возрасте, по крайней мере, вполне предсказуем. Сколь бы гнусным и злым ни выглядел он в этой борьбе, она не отражается ни на внутренней структуре пирамиды, ни на ее вонне падающей тени. Да и те, с кем он борется, соперники, вполне заслуживают жестокого обращения, хотя бы за тавтологичность их амбиций при разнице в возрасте. Ибо политика есть не что иное, как чистейшая геометрия, объединенная с законом джунглей.

Там, на острие иглки, хватает места только для одного, и уж пусть он лучше будет старым, поскольку старики не притворяются ангелами. Единственная задача стареющего тирана — удержать свое положение, его демагогия и лицемерие не подавляют умы подданных необходимостью в них верить или текстуальным разнообразием; в то время как молодой выскочка с его подлинным или

наигранным рвением и целеустремленностью всегда в конечном счете повышает уровень общественного цинизма. Оглядываясь на историю человечества, мы можем уверенно сказать, что цинизм — подлинная мера прогресса.

Ибо новые тираны всегда привносят новую смесь лицемерия и жестокости. Одни больше нажимают на жестокость, другие на лицемерие. Вспомним Ленина, Гитлера, Сталина, Мао, Кастро, Каддафи, Хомейни, Амина и проч. Они всегда намного превосходят своих предшественников и поновому выкручивают руки своим гражданам, как, впрочем, и мозги наблюдателям. Для антрополога, наблюдающего со стороны (и на весьма значительном расстоянии, конечно), такой тип развития представляет большой интерес, ибо расширяет наши представления о возможностях человечества как вида. Необходимо заметить, однако, что описанный процесс зависит не в меньшей степени от технического прогресса и общего роста населения, чем от исключительной зловредности данного диктатора.

В наше время все новые социально-политические устройства, как демократические, так и авторитарные, уводят все дальше от духа индивидуализма к стадному натиску масс. Идея экзистенциальной исключительности человека заменяется идеей анонимности. Личность гибнет не столько от меча, сколько от пениса, и, как бы ни была мала ваша страна, она требует (или становится объектом) центрального планирования. Подобные обстоятельства легко порождают ту или другую автократию, в каковом контексте тиранов можно рас-

смаатривать в качестве компьютеров устарелого образца.

Но если бы они были всего лишь компьютерами устарелых образцов — это еще куда ни шло. Беда заключается в том, что тираны в состоянии приобретать новые, по последнему слову техники компьютеры и норовят пользоваться ими. Примеры эксплуатации устаревшей моделью современной технологии: Шикльгубер, овладевший микрофоном, или Сталин, пользующийся телефонным подслушиванием для устранения своих оппонентов в политбюро.

Люди становятся тиранами не потому, что испытывают к этому призвание, но и не по чистой случайности. Человек с подобным призванием обычно предпочитает короткий путь и тиранит собственную семью, тогда как настоящие тираны обычно застенчивы и вообще ужасно скучны в быту. Орудие тирании — политическая партия (или армия, чья структура не отличается от партийной), ибо для того чтобы забраться на вершину чего-то, нужно иметь нечто, чему свойственна вертикальная топография.

В отличие от горы или, лучше сказать, небоскреба, партия, по существу, — фиктивная реальность, изобретенная интеллектуальными (или обыкновенными) безработными. Они приходят в этот мир и обнаруживают, что его физическая реальность, его горы и небоскребы, все уже заняты. Таким образом, перед ними выбор — ждать, пока в старой системе освободится место, или создать свою новую, альтернативную. Последний способ представляется им более стремительным, хо-

тя бы потому, что можно начинать не откладывая. Создание партии — уже самостоятельное занятие, и при этом всепоглощающее. Оно, конечно, не приносит немедленных плодов; но с другой стороны, работа не трудная и для психики весьма комфортабельная ввиду невнятности устремлений.

Для того чтобы скрыть свое чисто демографическое происхождение, партия обычно создает себе идеологию и мифологию. В общем, новая реальность всегда создается по образцу старой, подражая существующим структурам. При помощи такой техники одновременно скрывается недостаток воображения и всему предприятию придается некая дымка подлинности. Вот, кстати, почему эта публика так обожает реалистическое искусство. Вообще отсутствие воображения подлиннее, чем его наличие. Жужжащая скука программы партии, серый, неприметный вид ее вождей привлекают массы как собственное отражение. В эпоху перенаселенности зло (равно как и добро) так же посредственно, как его субъекты. Хочешь быть тираном — будь скучен.

И они скучны, и скучна их жизнь. Единственные свои радости они получают в процессе карабкания, когда видят, что удалось перехитрить соперника, оттолкнуть, разжаловать. В начале века, в период расцвета политических партий, были и дополнительные удовольствия — выпустить, скажем, какую ни на есть брошюрку, удрать от полицейского, произнести зажигательную речь на подпольном съезде, отдохнуть за партийный счет в Швейцарских Альпах или на Французской Ривьере. Теперь все это в прошлом: острые пробле-

мы, фальшивые бороды, штудирование Маркса. Все, что осталось, — это ожидание повышения, бесконечная волокита, картотеки и выискивание тех, на кого можно положиться. Даже язык за зубами держать неинтересно, потому что все равно с него не сорвется ничего достойного внимания подслушивающих устройств, которыми начинены стены вокруг тебя.

Медленно движущееся время — вот что приводит к вершине. Утешительно здесь только то, что тем самым всему предприятию придается ощущение подлинности: ибо то, что требует времени, реально. Продвижение неспешно, даже когда партия в оппозиции; что касается правящей партии, то ей и вовсе спешить некуда: после полувекового пребывания у власти она сама способна распределять время. Конечно, с точки зрения идеалов, в викторианском смысле этого слова, однопартийная система не слишком отличается от современных форм политического плюрализма. И все же, чтобы вступить в единственную существующую партию, надо обладать более чем средним запасом бесчестности.

Тем не менее, как ни хитри и каким бы кристально чистым ни было твое личное дело, раньше шестидесяти в политбюро не попадешь. А в этом возрасте жизнь уже абсолютно необратима, и тот, кто ухватился за бразды правления, разожмет кулаки только для панихидной свечи. Шестидесятилетний человек вряд ли решится на что-либо экономически или политически рискованное. Он знает, что ему осталось лет десять, и радости его — гастрономического или технического порядка: рос-

кошная диета, заграничные сигареты и заграничные же автомобили. Он человек статус-кво, что, конечно, выгодно в международных отношениях, поскольку ракетный арсенал у него неуклонно растет, но невыносимо внутри страны, где ничегонеделание означает ухудшение существующих условий. И хотя последним обстоятельством могут воспользоваться его соперники, он скорее ликвидирует их, чем предложит какие-то перемены. Ведь всегда чувствуешь легкую ностальгию по тому порядку вещей, который привел тебя к успеху.

Средняя продолжительность хорошей тирании — десять-пятнадцать лет, двадцать самое большее. За этим пределом неизбежно соскальзывание в нечто весьма монструозное. Тогда мы имеем дело с величием, проявляющимся в развязывании войн или террора внутри страны или того и другого вместе. Природа, слава богу, берет свое, иногда, правда, пользуясь как своим орудием соперником тирана, и, как правило, вовремя, т. е. прежде чем наш герой задумает обессмертить свое имя чем-нибудь кошмарным. Молодые кадры, которые вовсе не так уж молоды, нажимают снизу, выталкивая его в голубые пределы чистого Хроноса. Поскольку с вершины пирамиды дальше двигаться можно только уже в этом направлении. Правда и то, что нередко природе приходится действовать в одиночку, встречая чудовищное сопротивление со стороны органов государственной безопасности и команды личных докторов тирана. Из-за границы летят самолеты с иностранными специалистами, чтобы выуживать нашего героя из глубин маразма, в которые он погружается. Пославшие их

правительства сами глубоко заинтересованы в сохранении статус-кво. Иногда иностранные доктора преуспевают в своих гуманитарных миссиях настолько, что к великому человеку возвращается достаточно сил, чтобы грозить гибелью их странам.

В конце концов у всех опускаются руки. У органов, пожалуй, менее охотно, чем у докторов, поскольку медицинская иерархия не так зависима от предстоящих перемен. Но даже и органам в конце концов надоедает хозяин, которого им предстоит пережить так или иначе, и охранники отворачиваются, и в дверь проскальзывает смерть с косой, серпом и молотом. На следующее утро население будят не пунктуальные петухи, а льющиеся из репродукторов волны «Похоронного марша» Шопена. Затем следуют похороны с военными почестями, лошади тащат лафет, впереди шагает взвод солдат, несут на алых подушечках ордена и медали, украшавшие пиджак тирана, как грудь пса-призера. Ибо это именно то, чем он и был, — псом, получавшим призы, выигрывавшим собачьи бега. И если население оплакивает его кончину, как часто случается, это слезы тех, кто сделал ставку и проиграл: народ оплакивает потерянное время. А затем появляются члены политбюро, подпирая плечами кумачом крытый гроб, единственный общий между ними знаменатель.

Пока они несут свой мертвый знаменатель, трещат и щелкают камеры, а иностранцы и местные напряженно вглядываются в непроницаемые лица, пытаясь угадать преемника. Возможно, покойный был настолько тщеславен, что оставил политическое завещание, но его все равно не опубликуют.

Решение будет принято втайне, на закрытом (для населения) заседании политбюро. То есть подпольно. Скрытность — старинное пристрастие партии, эхо ее демографического происхождения, славного нелегального прошлого. Так что лица не выражают ничего.

Это им особенно удастся, потому что выражать нечего. Потому что снова будет все то же самое. Новый будет отличаться от старого только внешне. И духовно, и в других отношениях ему предстоит стать точной копией покойника. Это, возможно, и есть самый главный секрет. Если вдуматься, перемены внутри партии — это единственная форма воскрешения, нам доступная. Конечно, повторение рождает скуку, но если оно происходит втайне, то не лишено занимательности.

Самое же занятное — это когда соображаешь, что из этих людей любой может стать тираном. Вся растерянность и неясность только из-за того, что предложение превышает спрос. Из-за того, что мы имеем дело не с тиранией отдельных личностей, а с тиранией партии, которая просто поставила производство тиранов на индустриальную основу. Что с ее стороны было очень умно в целом и очень уместно в частности, учитывая, как быстро сдает свои позиции индивидуализм. Иными словами, в наше время гадание «кто-кем-будет» — игра столь же романтическая и старомодная, как бильбоке: ею могут развлекаться только те, кто был выбран свободно. Давно прошло время орлиных профилей, бород клинышком или лопатой, усов наподобие моржовых или вроде зубной щетки, скоро и брови уйдут в прошлое.

Все же есть нечто завораживающее в этих пустых, серых, ничем не замечательных лицах: они выглядят как все, что почти придает им оттенок подпольности; они одинаковы, как трава. Визуальное однообразие дает дополнительную глубину принципу «народного правительства»: здесь правят *никто*. Но когда тобой правят никто, это самая всеобъемлющая форма тирании, ибо *никто* выглядят как *все*. Во многих отношениях они представляют массу — вот почему им нет нужды проводить выборы. Действительно неблагоприятная задача для воображения — думать о том, к каким возможным результатам привела бы система «один человек — один голос», скажем, в Китае с его миллиардным населением: какой парламент получился бы там и сколько десятков миллионов людей оказались бы в меньшинстве.

Расцвет политических партий в начале нашего века был первым признаком перенаселенности, потому-то они так и преуспевают в наши дни. Пока индивидуалисты над ними подшучивали, они набирали силу на обезличивании, и нынче индивидуалистам уже не до смеха. Целью партий, однако, не является ни собственный триумф, ни триумф какого-то отдельного бюрократа. Верно, что они оказались впереди своего времени, но у времени всегда масса всякого впереди, в особенности людей. Их цель — приспособить собственное количественное разрастание к сохраняющему прежние размеры миру, и единственный способ достичь этой цели — через обезличивание и бюрократизацию всего живого. Сама жизнь есть общий знаменатель; достаточное основание для более подробной организации существования.

Вот этим и занимается тирания: организует для вас вашу жизнь. Делает она это с наивозможной тщательностью, уж безусловно лучше, чем демократия. К тому же она делает это для вашей же пользы, ибо любое проявление индивидуализма в толпе может быть опасно: прежде всего для того, кто его проявляет, но и о том, кто стоит рядом, тоже надо подумать. Вот для чего существует руководимое партией государство, с его службами безопасности, психиатрическими лечебницами, полицией и преданностью граждан. И все же даже всех этих учреждений недостаточно: в идеале каждый человек должен стать сам себе бюрократом. День, когда эта мечта станет реальностью, все ближе и виднее. Ибо бюрократизация индивидуального существования начинается с размышлений о политике и не прекращается с приобретением карманного калькулятора.

Так что если кто настроен элегически на похоронах тирана, то это происходит в основном по причинам автобиографическим и потому, что такая кончина придает бóльшую конкретность ностальгии по «старым добрым временам». В конце концов, покойник тоже был продуктом старой школы, когда люди еще ощущали разницу между тем, что они говорили и что делали. Если в истории ему будет отведено не более одной строки, тем лучше: значит, среди своих подданных он не учинил достаточно кровопролитий, чтобы набралось на целый абзац. Любовницы у него были склонны к полноте и немногочисленны. Писал он мало, равным образом не рисовал и не играл на музыкальных инструментах; также не ввел нового стиля мебели. Он был простой тиран, но все-таки ли-

деры величайших демократий ужасно стремились пожать ему руку Короче говоря, он не переусердствовал, и это отчасти благодаря ему, открывая окно утром, мы убеждаемся, что горизонт еще не встал на по́па.

Благодаря характеру его работы, никто не знал, что он думает на самом деле. Вполне возможно, что он и сам не знал, что он на самом деле думает. Это могло бы стать хорошей для него эпитафией, не будь анекдота, который финны рассказывают о завещании их пожизненного президента Урхо Кекконена. Оно начинается словами: «Если я умру...»

АКТОВАЯ РЕЧЬ

Дамы и господа выпускники 1984 года!

Сколь бы отважную или осторожную жизнь вы ни выбрали, по ходу ее вам предстоит непосредственное столкновение с тем, что называется Злом. Я имею в виду не реквизит готического романа, а по меньшей мере ощутимую социальную реальность вне вашего контроля. Ни добродушие, ни хитрые расчеты от встречи не спасут. Более того, чем вы расчетливее и осторожнее, тем вероятнее свидание, тем резче удар. Жизнь устроена таким образом, что так называемое Зло способно к практически повсеместному присутствию хотя бы потому, что склонно выступать в наряде добра. Вы никогда не увидите, как оно ступает к вам на порог с возгласом: «Привет, я Зло!» Что, конечно, указывает на вторичность его природы, но удовольствие, извлекаемое из этого наблюдения, притупляется от его частоты.

Так что разумно было бы подвергнуть свои представления о добре самой тщательной проверке, пройтись, так сказать, по всему гардеробу, отмечая, что из одежды впору незнакомцу. Это занятие, разумеется, может стать постоянным, и хо-

рошо, если так. Вас удивит, сколько вещей, казавшихся милыми и родными, без особой подгонки подойдут вашему врагу. Возникнет даже вопрос, не идет ли речь о вашем же отражении, ибо в Зле самое интересное — что это вещь целиком человеческая. Мягко выражаясь, ничего нельзя с такой легкостью вывернуть и носить наизнанку, как чьи-то представления о социальной справедливости, гражданской совести, лучшем будущем и т. д. Верный признак опасности — число разделяющих ваши взгляды; не столько потому, что у единоклубия дар вырождаться в единообразие, но из-за вероятности — заложенной в больших числах, — что благородные порывы окажутся поддельными.

Чем еще раз доказывается, что надежнейшая защита от Зла — это предельный индивидуализм, самостоятельность мышления, оригинальность, даже, если угодно, — эксцентричность. То есть то, чего нельзя подменить, подделать, скопировать; с чем не справится даже закаленный шарлатан. Иными словами, то, чего, как собственную кожу, нельзя разделить; даже с меньшинством. Зло охочет до прочности. Его привлекают большие числа, крепкий фундамент, вымуштрованные армии, сбалансированные отчеты. Склонность к таким вещам выдает, видимо, врожденную неуверенность, но понимание этого опять-таки слабое утешение, когда зло торжествует.

А именно это и происходит: в столь многих частях света и внутри нас. Учитывая его размеры и энергию, учитывая, главное, усталость его противников, теперь его можно считать уже не этической категорией, а физическим феноменом, который не изучают в пробирке, а наносят на геогра-

СОДЕРЖАНИЕ

О тирании. Авторизованный перевод Л. Лосева	5
Актовая речь. Перевод Г. Дашевского	17
Состояние, которое мы называем изгнанием, или Попутного ретро. Перевод Е. Касаткиной	26
Похвала скуке. Перевод Е. Касаткиной	44
Профиль Клио. Перевод Е. Касаткиной	56
Речь на стадионе. Перевод Е. Касаткиной	88
Коллекционный экземпляр Авторизованный перевод А. Сумеркина	102
Нескромное предложение. Перевод А. Сумеркина	168
Письмо президенту. Перевод Е. Касаткиной	188
Дань Марку Аврелию Авторизованный перевод Е. Касаткиной	203
Кошачье «мяу». Перевод Е. Касаткиной	245

ПРИЛОЖЕНИЕ

Размышления об исчадии ада	265
Писатель в тюрьме. Перевод Е. Касаткиной	276

Бродский И.

Б 88 О тирании. Эссе / Иосиф Бродский ; пер. с англ. Г. Дашевского, Е. Касаткиной, Л. Лосева, А. Сумеркина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 288 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-23576-2

В книгу вошли избранные эссе Иосифа Бродского, написанные в эмиграции в 1980–1990-е годы. Большинство эссе были напечатаны в авторских сборниках «Less Than One» («Меньше единицы», 1986) и «On Grief and Reason» («О скорби и разуме», 1995) и публикуются в переводе на русский язык. К ним добавлены редко издаваемые «Размышления об исчадии ада» и «Писатель в тюрьме». Это тексты об истории и свободе, о природе власти и отношении к ней. Бродский рассуждает как о сути творчества вне зависимости от государственного строя, так и о влиянии внешних обстоятельств на человека пишущего.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ

О ТИРАНИИ

Эссе

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Иван Игнатьев
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.09.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 12,69.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

A-VAK-32528-01-R